

криминальная мелодрама

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Герой-любовник,
или Один запретный вечер

Екатерина Гринева Герой-любовник, или Один запретный вечер

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=433282

Герой-любовник, или Один запретный вечер : роман / Екатерина

Гринева: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-45311-5

Аннотация

Саша несколько лет не видела свою сестру-близняшку – с тех пор, как та вышла замуж и уехала в Париж. И вот Эва неожиданно вернулась и огорошила Сашу новостью: совсем скоро она станет мамой! Но о том, почему сбежала от мужа и хочет рожать дома, Эва ничего не рассказала, упомянула лишь, что в Париже за ней следила какая-то странная женщина. И вскоре Саша тоже встретила ее! После этого Эва исчезла... Следы незнакомой француженки привели девушку в Москву, к журналисту Косте по прозвищу Ангел. Столичный донжуан сразу попытался соблазнить ее, но Саша отвергла его ухаживания. Их связывают только деловые интересы! Вместе они узнали о запрещенных экспериментах со стволовыми клетками и поняли, какая опасность угрожает Эве. Но где искать сестру? И как

сопротивляться неудержимо растущему влечению к порочному Ангелу?

Екатерина Гринева

Герой-любовник, или

Один запретный вечер

Я посмотрела в окно. На улице шел по-весеннему шустрый, спорый дождик, который весело барабанил по большому раскидистому кусту сирени, росшему перед самым окном, и этот монотонный звук странным образом успокаивал меня, отвлекая от тревожных мыслей.

Я сильно нервничала. Сегодня из Парижа приезжала моя сестра Эва, с которой я не виделась вот уже шесть лет. Я должна была приготовить ее любимую тушеную курицу с баклажанами и помидорами, но вместо этого я стояла и смотрела в окно, мучительно пытаюсь понять: как мне себя вести с ней – сделать вид, что ничего и не было, или все-таки высказать ей свое «фи», пусть и в мягкой форме.

Ее бегство шесть лет назад из родительского дома в Париж к любимому мужчине произвело в нашей семье эффект разорвавшейся бомбы.

Моя мать плакала и говорила, что она так и думала: «все закончится чем-то подобным. И уж точно ничем хорошим». Я изо всех сил пыталась ее успокоить. Отец стучал кулаком по столу и орал, что он лично пристрелит этого сукиного сына, укравшего у него дочь.

Я металась между ними, стараясь восстановить хрупкое подобие семейного мира. Правда, почти с нулевым результатом. Я накапала матери в рюмку корвалол и сказала скороговоркой.

– Вот увидишь, она скоро вернется. Через месяц. Максимум через полгода. Она же такая неприспособленная, изнеженная девочка. Разве она сможет жить самостоятельно и вести дом?

Эва не вернулась. Ни через месяц. Ни через полгода.

С тех пор все в нашей семье пошло наперекосяк. Вскоре у отца обнаружили рак поджелудочной в запущенной форме и он сгорел как свечка через два месяца. Мать, оставшись и без отца, и без своей любимицы, стала ворчливой и раздражительной, вспыхивала из-за любого пустяка. Потом раздражительность сменилась полной апатией и бесконечными слезами. Когда у нее случился инфаркт, повлекший за собой смерть, я подумала, что она ушла из жизни, потому что жить ей было уже незачем.

И вот теперь Эва, объявившаяся почти из небытия, приезжала к нам в город на девятом месяце беременности. Когда я разговаривала с ней по телефону, меня поразил ее голос – усталый и тревожный. На все мои расспросы она отвечала скороговоркой: «Все расскажу потом». Я хочу приехать, и ты не можешь мне в этом отказать. Я хочу сходить на могилу родителей и побывать в родном городе».

Я тупо молчала, потом выдавила:

– Ну, приезжай.

– Спасибо, – вспыхнула Эва. – Ты очень любезна.

– Какая есть, – парировала я. – Может, тебя встретить.

– Ни-ни. Доберусь сама. У меня для тебя приятная новость. – И немного помолчав, она добавила: – Скоро ты станешь тетей.

– Какой тетей? – не поняла я.

– Александра! Ты иногда бываешь жутко непонятливой, – отчитала меня Эва. – Я беременна. Неужели не ясно. Беременная.

Я стояла в легком ступоре, пока не выдавила.

– Поздравляю.

– Благодарю, – в голосе Эвы звучала легкая насмешка. –

Значит, я могу рассчитывать на твое гостеприимство?

– Конечно. Только я, скорее всего, буду в это время на даче.

– Приеду туда, – сразу откликнулась Эва, – какие проблемы.

– Действительно, никаких.

Обменявшись напоследок парой-тройкой ничего не значащих фраз, мы простились.

Повесив трубку, я еще какое-то время, пребывала в столбняке. Приезд Эвы был из ряда вон выходящим событием. Вроде высадки инопланетян на Красной площади. Я уже вычеркнула ее из своей жизни. Она звонила мне примерно раз в полгода и говорила, что у нее все нормально. На вопрос:

можно ли с ней как-то связаться, Эва неизменно отвечала, что ее муж против контактов с родными и она может только изредка звонить нам и сообщать, что в ее жизни все хорошо, она счастлива и довольна.

Честно говоря, я здорово разозлилась на нее за все эти штучки-дрючки, и с некоторых пор ее жизнь была мне по барабану. Мне было безумно жаль отца и особенно мать, которых побег сестры кардинально подкосил. Эва всегда была их любимицей.

Обычно по телефону я разговаривала с ней сухо, и после разговора каждый раз оставался неприятный скребущий осадок: вроде царапнули наждаком и оставили глубокую отметину. После смерти матери, которая умерла два года назад – Эва вообще перестала звонить, и я подумала, что сестра мучается угрызениями совести и поэтому оборвала все связи.

И вот теперь эта блудная дочь и воскресший из небытия Феникс собирался приехать ко мне на дачу. Я уже пару раз жалела о том, что не послала ее далеко и надолго. Потом я ругала себя за такие мысли и говорила, что она все-таки, несмотря ни на что, мне сестра, к тому же Эва в положении, захотела приехать на могилу родителей, и я должна быть к ней снисходительна.

Эти уговоры помогали слабо. Я не могла простить Эве ни ее побега, ни смерти родителей.

И в таком раздрае я провела всю неделю, с момента ее

звонка. Мой бой-френд Денис несколько раз говорил мне.

– Слушай. Если тебе так хреново, пошли ее и все. Хочешь я сам свожу ее на могилу и оставляю там под присмотром покойников.

– Ну, у тебя и шуточки, офицер! – злилась я. – Думай своей башкой, что говоришь. Она – моя сестра – раз. И в положении – два.

– Да какая она тебе сестра. Проститутка долларовая. Погналась за деньгами, смоталась в сытый город Париж. О родителях даже не подумала. А ты теперь расстилаться перед ней должна? За какие-такие почести-заслуги?

– Я все понимаю, Денис. Но не могу я вот так развернуться и дать ей от ворот поворот. Не могу, – тихо говорила я. – А потом она не проститутка. У них была любовь. Понимаешь, любовь.

Я вспомнила, как Эва с сияющим лицом приехала из Франции и с порога выпалила, что влюбилась. Она не могла скрывать ни своей влюбленности, ни своего счастья. У молодых влюбленных такие лица, что посмотришь – и никаких слов для объяснений не надо. Все на лице написано – о них – самозабвенно-глупых, не умеющих скрывать свои чувства – ни друг от друга, ни от посторонних. Франсуа такой замечательный, стрекотала Эва. И к тому же великолепно знает русский язык. Его мать – наполовину русская и выучила его родному языку.

Эва светилась изнутри и было видно, что нет такой силы и

препятствий, которые помешали бы ей на пути к счастью...

– Лю-бовь, – с расстановкой сказал Денис. – Да какая это к черту любовь, если она всем принесла одни страдания. Ты из-под отца судна выносила, пока она со своим хахалем миловалась. Так что ли?

И здесь я расплакалась.

Денис вскочил с кровати и мгновенно подошел ко мне.

– Санек! – его лицо исказилось. – Ну, прости меня. Ляпнул я так. Не подумав. Правда, прости.

Он обхватил меня обеими руками и прижал к себе.

– Ладно. – Я уперлась руками ему в грудь. – Заметано. Только больше своим языком не мели. Фильтруй базар. Мне и без тебя тошно.

Я взглянула на часы. Эва уже прилетела в аэропорт и должна где-то через час-полтора быть у меня. Я закрыла глаза. Разделанная курица лежала на столе. Надо было готовить, но я чувствовала себя такой обессиленной, что даже кружилась голова.

Дождь стихал. Я распахнула окно. Мне нужен был свежий воздух, иначе еще немного и я задохнусь от наплывших воспоминаний.

Прохладные капли упали на разгоряченное лицо и руки. Я вдохнула нежный запах сирени и закрыла глаза, пытаюсь прийти в себя. Неожиданно меня отвлек звук подъехавшей машины и крик.

– Александра! Это я-я-я.

Я охнула и рванула к калитке, услышав знакомый голос.

Около калитки уже стояла машина, а в ней – сидела моя сестра. Спустив ноги на землю, она пыталась открыть ярко-синий зонт.

– Эва! – пробормотала я, распахивая калитку. – Ты же должна была приехать позже.

По лицу сестры пробежала тень.

– Я сменила рейс, – сказала она высоким голосом. – Так пришлось. Да помоги же мне раскрыть зонт. Заело.

– Сейчас.

Я взяла зонт из ее рук.

Шофер – татарин лет сорока с легкой усмешкой смотрел на нас.

– Ты же промокнешь, сумасшедшая, – сказала Эва. – Хоть бы плащ накинула или зонт взяла.

– Не подумала, – призналась я. – Как услышала твой голос...

Наконец зонт был раскрыт, и Эва с трудом вылезла из машины. Она была в джинсовом комбинезоне и белой блузке с коротким рукавом.

– Моя сумка в багаже. Ринат поможет тебе.

Шофер стремительно вышел из машины, и открыв багажник, взял оттуда темно-зеленую сумку и передал мне.

– Все? – вопросительно посмотрел он на Эву.

– Все, – кивнула она и подарила ему одну из своих обвожигательных улыбок. Я уже и забыла, как легко умеет кру-

жить головы мужчинам моя сестра.

– Ну что стоишь? – обратилась она ко мне. – Пошли...

В одной руке у меня была сумка, на другую – опиралась Эва. Она шла медленно и тяжело дышала. Наконец мы вошли на крыльцо, и она схватилась за перила.

– Трудно перенесла полет. Все время тошнило...

– Как же тебя в самолет-то пустили? С таким животом?

Эва снисходительно посмотрела на меня.

– Ты рассуждаешь, как бабка на завалинке. На самом деле – у каждой авиакомпании свои правила. На самолетах французской Air France можно летать, только нужна справка от врача с ожидаемым сроком родов. Все очень просто, сестренка.

– И когда у тебя? – кивнула я на живот.

– Примерно через три недели.

Я молчала. Теперь я могла разглядеть ее как следует. Во-первых, она сильно осунулась, а во-вторых, от ее безмятежно-невинного выражения лица, которое так нравилось мужчинам – ничего не осталось. Глаза смотрели тревожно и пристально. В уголках губ были складки, как у капризной девочки, которая клянчит новую игрушку и готова вот-вот расплакаться, чтобы поиграть на нервах.

– Может, мы зайдем в дом?

– Зайдем, – эхом откликнулась я.

Я открыла дверь на веранду и поставила сумку на пол. Я основательно промокла, но почувствовала это только сейчас.

Эва вошла на веранду и направилась к старому креслу, покрытому покрывалом с изображением играющих котят. Это покрывало было на даче давно, сколько я себя помнила.

Она опустилась в кресло и вцепилась руками в старые со стертой лакировкой подлокотники.

– Ну, здравствуй, сестренка! – усмехнулась она. – Давненько мы не виделись.

– Кто там у тебя? – кивнула я на живот.

Она наклонила голову и погладила живот.

– Девочка! – прошептала она. – Дочка. Машенька.

Я вздрогнула и отвернулась. Марией звали нашу мать.

Огромные бездонные глаза Эвы, не мигая, смотрели на меня.

– Я ужасно устала и хочу спать, – протянула она. – И есть.

– Господи! – ахнула я. – Я же ничего не приготовила. Я не ожидала, что ты перенесешь рейс. А меня заранее в известность ты не поставила.

– Ладно. Поем потом. Наша спальня по-прежнему наверху?

– Да. Все у нас по-прежнему. Я здесь ничего не меняла.

Она встала с кресла и сделала движение рукой.

– Ты кому-нибудь говорила о моем приезде?

– Нет. Только Денису.

– Кто такой Денис? – тревожно спросила Эва.

– Бывший офицер-спецназовец и по совместительству мой любовник. Я тебе о нем уже говорила по телефону. Ко-

гда ты звонила мне из Парижа.

– Понятно. А он?

– Что он?

– Кому-нибудь говорил?

– Слушай! – не выдержала я. – Если ты думаешь, что все сбегутся смотреть на приехавшую парижанку или что-то в этом роде, ты глубоко ошибаешься. До тебя здесь нет никому дела. Это тебя устраивает?

– Да, – прошептала Эва. – Ты не забудешь положить в корзину баклажаны?

– Не забуду.

Я помогла Эве подняться по лестнице на второй этаж и довела ее до кровати.

– Та самая... – расплылась она в улыбке. – На которой я спала в детстве.

– Ты промокла? Тебе дать сухое белье?

– Пожалуйста.

Эва вдруг стала непривычно кроткой.

Я принесла ей свой халат.

– Отвернись. Я переоденусь.

Я чуть не улыбнулась. В этом была вся моя сестра. Кружить головы мужчинам – это запросто, а здесь внезапный приступ стыдливости – «отвернись!».

Я отвернулась и когда услышала:

– Я – все, – развернулась и подошла к кровати.

Эва сидела на кровати в моем малиновом в белый цвето-

чек халате с незастегнутыми пуговицами на животе.

– Не сходится.

– Слушай, я тебе принесу мамин халат. Как я сразу не догадалась, что тебе нужна одежда большего размера.

– Не надо. – И тут я увидела, что Эва изо всех сил старается не расплакаться. – Я усну и так. Только накрой меня одеялом. Пожалуйста.

Я достала из старого гардероба с разохшими дверцами войлочное одеяло и накрыла им сестру.

– Так лучше?

– Да, – прошелестела она.

И тогда я неожиданно нагнулась и поцеловала ее в лоб. Она закрыла глаза и по ее губам скользнула легкая улыбка.

– А теперь иди. Пожалуйста.

Спустившись с лестницы, я не удержалась и посмотрела на себя в небольшое овальное зеркало, висевшее в коридоре. Интересно, я также буду выглядеть, когда забеременею? Ведь мы с Эвой сестры-близнецы!

Пока курица тушилась на сковороде, а Эва спала наверху, я нервно курила одну сигарету за другой, вспоминая жизнь до побега Эвы в Париж.

Мы родились с ней почти одновременно с разницей в двенадцать секунд, и это время роковым образом сказалось на наших судьбах. Эва была объявлена «младшенькой» и с тех пор роли в нашей семье были четко распределены. Я была умницей, а Эва – красавицей и к тому же объектом особого

обожания со стороны родителей. Игрушки нам дарили одинаковые – на это я пожаловаться не могу. А вот что касается отношений... что прощалось Эве, не прощалось мне. И наоборот.

Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что Эва росла слабым болезненным ребенком и умудрялась подцеплять все существующие болезни, от которых по странной иронии судьбы я уберегалась. От малейшей простуды у Эвы поднималась температура, и мать заступала на вахту около ее постели, даже если в этом и не было никакой необходимости. Эва лежала как принцесса, окруженная заботой и вниманием, тогда как я в это время была предоставлена самой себе.

Я была крепкой хорошисткой, Эва – троечницей, но в глазах родителей это не имело никакого значения. Главное – здоровье, говорила моя мать. И внешность, с улыбкой прибавляла она. А Эва с детских лет была признанной кокеткой, и ни у кого не возникало и тени сомнения, что эта девочка непременно вырастет красавицей.

К пятнадцати годам из угловатого подростка Эва превратилась в настоящую барышню с русо-пепельными волосами, большими голубыми глазами и томными манерами.

Я – была другой. Волосы я стригла на уровне плеч, тогда как у Эвы они струились ниже лопаток, фигура у меня была плотнее – я не страдала отсутствием аппетита, в отличие от сестры, а мои манеры, как часто говорила мать, оставляли желать лучшего. Все эти женские уловки были не для меня

и не про меня. Я любила громко хохотать, острить, гонять на велосипеде, и про таких как я обычно говорили «свой парень».

Эва обещала стать записной красоткой и свое обещание сдержала. В пятнадцать лет разразился первый скандал. Ее застукали в лабораторной с молодым учителем химии. Они так самозабвенно целовались, позабыв обо всем, что не услышали железной поступи завуча, обходившей школу. Завуч, Вера Федоровна вызвала в школу мать и в тот же вечер та рыдала, причитая, что Эву оболгали, все завидуют ее девочке и поэтому распускают грязные сплетни.

Эву перевели в другую школу; теперь сестра была более осмотрительной и не крутила романы с учителями. Только с одноклассниками, другими ребятами из школы, их знакомыми и приятелями приятелей. Эва кокетничала со всеми напрапалую, список ее жертв рос, но сама она головы не теряла до того самого момента, когда она выиграла областной конкурс «Самая умелая и красивая» и поехала по обмену в Париж и там без памяти влюбилась первый раз в жизни в некоего Франсуа, молодого талантливого дизайнера, чей талант, по словам Эвы, еще никто по достоинству не оценил.

... Эва возникла сзади меня неожиданно.

– Александра! – негромко позвала она меня.

Я вздрогнула и обернулась.

– Я и не заметила, как ты подошла.

Она слабо улыбнулась.

– Испугалась?

Я пожала плечами и хмыкнула.

– До смерти.

Эва села в кресло и сцепила руки на животе.

– Курица скоро будет готова, – бодро отрапортовала я. –

Подожди еще совсем немного. Чувствуешь, какой запах.

Но она молчала.

– Плохо себя чувствуешь? – я приподняла крышку сковородки и помешала лопаточкой курицу.

– Сейчас нормально. – Она отмахнулась от моего вопроса, как от назойливой мухи. – Слушай! – она запнулась, а потом продолжила: – В нашем роду никогда не было сумасшедших?

От неожиданности я чуть не выронила крышку из рук.

– М-мм. – Я облизала палец, который нечаянно обмакнулся в соус. – Нет. А почему ты об этом спрашиваешь?

– Просто так.

– Просто так ничего не бывает.

Эва потрянула волосами.

– Ну... – протянула она обиженно. – Просто так уже спросить нельзя?

– Как хочешь, – я испытала раздражение на сестру. Если она собралась играть в молчанку – это ее дело. Как сказал мне Денис: «Не вздумай плясать около нее. Она того не заслуживает...»

– Курица уже готова?

– Почти. Пойду принесу тарелки.

Тарелки стояли в шкафу, который находился в маленьком коридорчике-аппендиксе. Мне не хотелось ставить перед Эвой тарелки, которые были на даче в повседневном обиходе – с отбитыми краями и с трещинами. Я собиралась поставить на стол остатки родительского сервиза – семейную реликвию.

Когда я вернулась с тарелками в руках, Эва стояла у окна и смотрела на куст сирени.

– Наша сирень, – прошептала она, кивая на куст. – Помнишь – мы его сажали, когда были маленькими?

– Помню, мы еще измазались в грязи наши фиолетовые плащики.

– Где они сейчас? – прошептала Эва.

Я посмотрела на нее с удивлением.

– Наверное, где-то на чердаке. Мама складывала туда нашу старую одежду стопками. Во всяком случае, я ничего не выкидывала.

Я поставила тарелки на стол.

– Садись ближе к столу. Сейчас будем есть.

– И сервиз этот я помню. Мы ели с этих тарелок по выходным.

– Хорошо, что ты ничего не забыла. Вот только позвонить или приехать тебе было недосуг... – И здесь я осеклась. Эва смотрела на меня глазами, полными слез.

– Прошу тебя. – Она прижала руки к груди. – Не надо. Умоляю!

– Не буду. – Я закусила губу. Черт! Сорвалась. Ведь проводила же я накануне ее приезда сама себе строгий инструктаж: не высказывать никаких претензий, разговаривать ровным спокойным тоном и делать вид, что не было этих шести лет разлуки. И вообще – ничего не было.

Если это только было возможно...

Как оказалось – нет.

– Прости, – выдавила я.

Эва сделала вид, что не слышит. Как я завидовала в свое время этой ее уникальной и необходимой для жизни способности пропускать ненужную информацию мимо ушей. Как я бесилась, что не была такой, как Эва – легкой, порхающей по жизни, быстро завязывающей знакомства и также быстро отсекающей их. Эва обладала талантом жить. А я – портить себе и окружающим настроение и нервы. Как говорила моя мать – стальной у тебя характер – Александра. Нужно быть гибче, уметь прощать, приспособливаться к обстоятельствам.

Как же – приспособилась! Это было мне не дано, как слепцу – зрение. С последнего места работы меня с треском выгнали. Я пошла на конфликт с одним папашей – крутым челом, поставив его сыну двойку по истории. Все вокруг уговаривали меня не делать этого – завуч, (директриса лежала в больнице), коллеги, мамина сестра тетя Люся. Только Денис поддерживал меня.

– Нечего гнуться под этими холуями.

– Я не из-за этого. Я из принципа. Если его сын – болван, то пусть и получает по полной. Бабки здесь не причем.

– Принципиальная ты моя, – усмехнулся Денис.

– Ага! Только мне от этого не легче. Предвижу я, как пить дать, проблемы. И немаленькие.

– Думаешь, тот папаша подкараулит тебя и устроит темную?

– Кто знает, кто знает.

– Я его тогда так отметелю, – пригрозил Денис, приподнимаясь со стула. – Небо с горошинку покажется.

– Сиди, – успокоила я его. – Думаю, до этого дело не дойдет. Все-таки он – человек цивилизованный... Надеюсь, – прибавила я.

Папаша-бизнесмен, действительно, оказался человеком цивилизованным. Мне не устраивали темную и не подкидывали писем с угрозами. Меня просто уволили. Точнее, предложили написать заявление «по собственному желанию». Я, не долго думая, согласилась. Все равно родной коллектив с подачи вернувшейся из больницы директрисы затравит. У нее с тем папашей были тесные контакты – он давал на нужды школы какие-то деньги, и она была готова лизать ему задницу. Как оно и бывает в таких случаях.

Я махнула рукой и подумала, что возьму небольшой таймаут, и отдохнув, с новыми силами возьмусь за поиск работы. Но, похоже, меня занесли в негласный «черный» список. В двух школах я получила немотивированный отказ, а в тре-

твѣй как только услышали мою фамилию – сказали, что все места заняты и свободных вакансий в ближайшее время не предвидится. Тогда как я знала точно, что учитель истории им требуется. Но наступало лето, и я решила особо не париться, а переждать до августа, а там уже снова заняться собственным трудоустройством.

– Ты меня совершенно не слышишь! – донеслось до меня.

– Что? Я очнулась от своих мыслей и посмотрела на Эву.

– Курицу накладывай! А не смотри вперед отсутствующим взглядом. У тебя что проблемы? Как с работой?

– Никак, – призналась я. – Считаю, что с некоторого времени я нахожусь в свободном плавании.

– Кажется, в России с учительским составом проблемы, а ты – в плавании. Не в ногу со временем шагаешь.

– Ага! Прихрамываю. Это у меня проблемы с богатыми папашами, которые хотят, чтобы я натягивала их чадам оценки.

– И что? Поставила бы хорошую оценку этому оболтусу и не особо напрягалась, – снисходительно заметила Эва. – Тебя от этого убудет?

– Я так не могу. Тебе какой кусок?

– Все равно. Давай ножку. Но это же глупо!

– До чертиков. Но – не могу. Считаю это моими железобетонными принципами.

– А как дела на личном фронте? У тебя все тот офицер-подводник?

– Бывший спецназовец, – поправила я сестру. – Все тот же.

– Не могла найти кого-нибудь получше.

Здесь мое терпение лопнуло.

– Давай поговорим лучше о тебе, – предложила я. – Как поживает Франсуа? Почему он не приехал с тобой? Бросил жену в положении...

И тут на лице Эвы появилось то самое испуганное выражение, которое я уже видела.

– Франсуа... – залепетала она. – Сейчас сидит без работы и не может приехать.

– Понятно. Последствия мирового финансового кризиса, – констатировала я. – Удар по среднему классу. И как вы теперь будете справляться?

– Не пропадем. Франция – не Россия и там можно жить на пособие по рождению ребенка. А потом недавно я нашла у него приличные деньги, и он сказал, что получил как дизайнер один заказ, очень выгодный, и ему выплатили аванс. Правда, я не знаю, насколько это все надежно. Но поживем – увидим.

– Это радует.

– Судя по твоему тону – не очень.

Я с шумом отодвинула от себя пустую тарелку.

– Слушай, Эва! Если ты хочешь, чтобы я скакала до потолка от твоего приезда и пускала по этому поводу сентиментальные сопли – то даже не надейся. В конце концов твое

бегство свело в могилу родителей. Ты об этом когда-нибудь думала? И потом... почему ты ни разу не приехала к нам? В чем дело?

– Я... я... хотела...

– А тебя не пускали! Держали за руки и за ноги! Так ведь было дело или нет?

– Все гораздо сложнее.

– Ну конечно, – хмыкнула я. – Ты просто оправдываешь собственную подлость и трусость.

И тут Эва заплакала.

– Я понимаю. Во всем виновата только я. Но давай во всем разберемся потом. Не сейчас. Я прошу тебя. Она приложила руки к животу. – Ради нее.

– Не буду. Это я виновата. Прости.

Эва смахнула слезы и протянула мне руку.

– Мир? – улыбнулась она.

– Мир, – сказала я, сжимая ее пальцы.

За курицей воцарилось долгожданное примирение. Эва рассказывала о Франции, о своей беременности. Я вставляла свои вопросы. За чаем позвонил Денис.

Я протянула руку и взяла мобильный, лежавший на кухонном столе.

– Хэлло! – услышала я.

– Привет!

– Как там твоя парижанка?

– Приехала. Сидим, пьем чай.

Возникла пауза.

– Значит, все в порядке?

– Именно так. А ты ожидал чего-то другого?

В трубке раздалось сопенье.

– Не знаю.

– Как у тебя?

– О' кей. Соскучился. Когда ты приедешь? Мы собирались на рыбалку. Не присоединишься?

– Кто это «мы»?

– Мила и Васек.

Это были мои старые знакомые.

– Не могу.

– А когда сможешь?

– Не знаю.

– Понятно.

На том конце дали отбой.

– Кто это? – спросила Эва.

– Денис. Приглашал с компанией на рыбалку.

– А ты?

– А я отказала. Не могу же я оставить тебя одну.

Эва повертела пустую чашку в руках.

– Мне нужно тебе кое-что сказать, – тихим голосом произнесла она.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас! А ты куда-то торопишься?

– Нет. Но я, честно говоря, устала. Весь день готовилась к

твоему приезду. Драила тут все. Все-таки дача у нас старая и требует капитальной уборки. До ремонта как-то все руки не доходят.

Я не стала говорить Эве, как я судорожно распихивала хлам по углам, а совсем ненужное барахло складывала в большие пакеты и тащила на близлежащую помойку. Я мыла окна и стены, хотела даже покрасить перила, но вовремя вспомнила, что Эва беременна, и запах краски может быть ей вреден.

– Понимаешь, я уехала от Франсуа.

– Почему?

– Не перебивай меня. А то не скажу главного. Франсуа не хотел ребенка.

Я чуть не рассмеялась.

– Эва! Но это чепуха на постном масле! Многие мужчины не хотят детей. Но это сначала. Им кажется, что ребенок ущемит их свободу, вклинится между супругами. Жена станет больше внимания уделять чаду, а муж будет позабыт-позаброшен. И так далее. Но это проходит. Помнишь Веру Моргунову из моего класса – такую рыжую дылду? Так вот ее муж категорически не хотел ребенка, вплоть до развода. Верка родила на свой страх и риск. И не прогадала. Он буквально влюбился в малыша, менял ему подгузники и баюкал ночью. Через это проходят многие женщины, Эва!

Она покачала головой.

– Это не то. Здесь – другое. Сначала он хотел ребенка, сам

уговаривал меня родить его. А когда я была на третьем месяце – стал уговаривать сделать аборт. Ему стало казаться, что наш малыш будет неполноценным. У Франсуа есть какие-то заболевания по материнской линии.

Я похолодела.

– Может это – правда?

– Я не очень-то верю в это. Когда я предложила пройти полное медицинское обследование – он заартачился. Уперся и ни в какую. Потом он стал говорить, что он – безработный и мы не можем пока позволить себе ребенка. Когда я сказала, что мы проживем на пособие, он стал говорить, что миру грозит экологическая катастрофа, и мы не можем допустить, чтобы наш ребенок родился в этом несовершенном и гибнущем мире.

Я тряхнула волосами.

– Эка он загнул. Типичная песенка западных интеллигентов. Типа мир катится в тартарары, скоро наступит конец света и несчастным людям лучше не плодить себе подобных, чтобы не обрекать их на скорбь и страдание. Он же у тебя интеллектуал, творческий человек. Ты говорила, что он работает в дизайнерском бюро?

– Работал, – поправила меня Эва. – Но это здесь не причем. Я хотела ребенка. А он – нет. У нас стали постоянно вспыхивать по этому поводу споры. Один раз он даже ударил меня...

Эва замолчала и закрыла лицо руками.

– Я хотела уйти от него, но он на коленях вымолил у меня прощения. Клялся, что он не помнил себя и больше такого никогда не повторится. Я ему поверила. Но все равно Франсуа за последний год сильно изменился – он стал каким-то нервным, то целует меня, рассыпается в комплиментах, то смотрит так, что кажется – вот-вот ударит. Да он и раньше... показывал свой характер. Мы когда поженились, я думала, что он будет щедрым заботливым мужем, а он все время жадничал. Я хотела красивых нарядов, а он приведет меня в магазин, заставит померить новое платье, а потом скажет: «Поносила и повесь обратно». Я даже с отчаянья стала флиртовать с хозяином кафе напротив нашего дома, чтобы хоть как-то развеяться и отвлечься от черных мыслей.

А потом... меня стала преследовать странная женщина. Черноволосая, лет пятидесяти пяти. У нее широкое скуластое лицо и похожа она на шведку или немку. Над левой бровью – легкий шрам. – Эва коснулась рукой брови. – Вот здесь... И она стала уговаривать меня отказаться от ребенка, говорить, что в мир скоро придет Антихрист и все мы обречены. Самое лучшее, что мы можем сделать для наших детей – это не дать им появиться на свет.

Я стиснула руку Эвы.

– А ты?

– Я испугалась и убежала от нее. Но она словно подкармливала меня в разных местах – в кафе, у подъезда, на улице. Я сказала об этом Франсуа, но он поднял меня на смех

и заявил, что у меня развились галлюцинации и мне нужно серьезно лечиться. Он предлагал мне лечь в самую лучшую клинику. Но я решила приехать к тебе и переждать здесь. Я поняла, что тут мне будет спокойней.

– То есть Франсуа не знает, где ты?

– Нет.

– Эва! Ты представляешь, что ты натворила. Твой муж наверняка сходит с ума, разыскивая тебя. Ты думаешь, он сидит, сложа руки? Да тебя не сегодня-завтра Интерпол будет разыскивать! Эва! Ты как ребенок, честное слово!

Эва шмыгнула носом.

– Я оставила ему записку, что со мной все в порядке и пусть он меня не ищет. Я считаю, что этого достаточно.

– Ну не знаю.

От ее слов у меня голова шла кругом.

– И что ты думаешь делать дальше.

– Я же сказала, – ответила Эва почти сердито. – Поживу пока у тебя.

– То есть рожать ты будешь здесь? – уточнила я.

– Да.

– Эва! – чуть не взвыла я. – Ты, по-моему, правда свихнулась. И твой Франсуа был прав. Ты хоть знаешь, какие здесь у нас больницы! Роддом последний раз ремонтировали при царе Горохе. И как ты будешь рожать в таких условиях? Это тебе не Франция! И над тобой никто трястись не станет. Чего ты учудила, а?

Я оперлась локтями о стол и подалась вперед.

Мой чай уже остыл.

– Ничего я не учудила. Я просто хочу родить ребенка в более-менее спокойной обстановке. Я не хочу сталкиваться с сумасшедшими тетками и видеть вечно хнычущего мужа, который обвиняет меня в том, что у меня глюки. Ты бы потепела такое?

– Наверное, нет. Но это тебя не оправдывает.

– Конечно! – вспыхнула Эва. – Я вообще-то должна думать не только о себе, но и о малыше. А мне там плохо. Понимаешь: пло-хо, – по слогам сказала она. – Впрочем, – она прищурилась. – Если я тебя стесняю, то я могу снять квартиру и жить отдельно. Ты только скажи мне об этом, и проблема будет улажена. Моментально.

– Не пори ерунды. Живи здесь сколько хочешь! В конце концов это и твоя дача.

Я отхлебнула холодный чай.

– Я пойду спать, поясница что-то побаливает, – сказала Эва.

– Ты не замерзла?

– Дай еще второе одеяло. Так будет потеплее.

– Нет проблем. – Я встала вслед за ней. – Выспись как следует, а завтра поговорим еще.

– А я думала, мы обо всем поговорили.

– Мне кажется, что нет. Не обо всем.

Уложив Эву и пожелав ей спокойной ночи, я спустилась

вниз и легла в родительской комнате. Но сон не шел ко мне, хоть убей. Я ворочалась с бока на бок, пытаюсь заснуть, но тщетно. Эва не выходила у меня из головы. Честно говоря, я не так представляла себе встречу с сестрой, но дело было не в этом. Мне внушало опасение психическое состояние Эвы. Я не поверила ни ее рассказу о сумасшедшей женщине, которая преследовала ее, ни тому, что Франсуа резко изменился в последнее время. Беременность могла повлиять на Эву и послужить причиной ее фантазий. Шесть лет назад я потеряла сестру из вида и ничего не знала о том, как она живет. Звонки раз в полгода были не в счет. Она кратко сообщала о своих делах, словно давала мне отчет, и снова исчезала на несколько месяцев. Конечно, она могла измениться. Но что делать мне? Ее появление в нашем городе мне представлялось чистой воды авантюрой! У нас и приличного роддома-то нет. Как она собирается рожать? А вдруг она завтра изменит свое решение? Я подумала, что это был бы лучший выход из создавшегося положения. Я покупаю Эве билет в Париж, и она возвращается под крылышко своего супруга. Пусть сама разбирается со своими проблемами. Уже под утро, засыпая, я подумала, что мне нужно тайком взять у Эвы телефон ее мужа и позвонить ему: пусть приезжает и забирает свою благоверную. У беременной Эвы случился внезапный, как майский дождь каприз, вот она и рванула сюда, очертя голову. Не подумав ни о последствиях, ни о собственном муже. Эва всегда была порядочной эгоисткой и та-

кой поступок вполне в ее духе.

Я проснулась от того, что кто-то ходил рядом. Первая мысль была: залезли воры, но потом я вспомнила о приезде сестры и невольно улыбнулась.

– Эва! – крикнула я.

– С добрым утречком! – сестра выросла в дверях. Выглядела она не лучшим образом – бледное осунувшееся лицо и синяки под глазами. – Проснулась, соня!

– Проснулась. А тебе... не спится?

– Я вполне выспалась. Решила приготовить завтрак. Но у тебя нет ни мюсли, ни молока. Я открыла холодильник, а там пицца и копченая колбаса.

– Я же не знала твоих вкусов. Хотя в ближайшем магазине мюсли и не водятся. Это точно. Придется ехать за продуктами в город.

– Лучше не надо, – поспешно сказала Эва. – Обойдусь и так.

– И чем ты будешь питаться? Копченой колбасой? Не глупи. Я обернусь мигом. Туда-сюда. Не пройдет и часа.

– Нет, – отрезала Эва. – Геркулес у тебя есть?

– Где-то был. С прошлого года. Надо порыться в шкафу хорошенько, чтобы его найти.

– Поищи. Я охотно позавтракаю геркулесом.

– На воде?

– На воде. Это даже полезней.

Я пожала плечами и не стала спорить.

Остатки овсяной крупы я нашла в шкафу и потрясла коробкой.

– На пару порций хватит. Но этого мало.

– Потом что-нибудь придумаем.

– Как хочешь.

В холодильнике я обнаружила сыр, который и предложила Эве.

– Есть сыр. Без голубой плесени и даже не камамбер. Так что смотри сама...

– Сойдет и такой, – отрезала Эва. Она была явно не в духе.

– Ноу проблем, – пробормотала я. – Ноу проблем.

После геркулеса на водичке Эва пила кофе – «три в одном», а я кляла себя, что даже не подумала купить приличный растворимый кофе. Попросту забыла и понадеялась, что на даче есть еще остатки. И напрасно. Ничего на даче не оказалось, и поэтому Эва сейчас со страдальческим видом пила кошмарный кофе и показывала, что ей все нипочем. Даже этот жуткий кофе.

Конечно, к такому она у себя в Париже не привыкла. Я представила свою сестру в кружевном пеньюаре с чашкой кофе по утрам в гостиной. Или в кафе. Веселую, беззаботную. В легкомысленной шляпке и юбке, демонстрирующей красивые ноги. А сейчас она сидит в российской глуши и не может даже попить нормальный кофе. Из-за своей растяпистой сестры. Я стиснула зубы.

– Я сейчас съезжу в магазин и куплю тебе хотя бы молока.

– У тебя есть машина?

– Лучшее средство передвижения на даче – велосипед. Разве ты забыла, как мы гоняли по нашим ухабистым дорогам? А один раз ты свалилась в канаву и больно расшибла коленку. А мама ругала меня, что я не досмотрела за тобой. Я всегда была за старшую. Хотя родилась-то всего на двенадцать секунд раньше, – криво улыбнулась я.

– Не надо куда ехать.

– Почему?

– Обойдусь и так.

– Эва! Как ты сказала недавно – ты теперь не одна. У тебя – малыш. Я как-никак будущая тетя. – Я скосила глаза на живот Эвы и впервые представила там крохотную девочку в позе эмбриона. Интересно – у нее уже есть ручки-ножки? Наверное – да. И все-то она слышит и понимает. Врачи даже рекомендуют разговаривать с будущими младенцами – так они поймут, что их любят и ждут. Мне захотелось погладить сестру по животу, но я сдержалась. Подумает, что я расслапилась.

– Так что любые возражения отменяются с ходу. Сиди здесь, отдыхай. А я поеду в магазин. Хочешь, пройдишь по участку – только на шести сотках, как ты понимаешь – не разбежишься. Мы еще хотели прикупить соседский участок, когда умер сосед дядя Петя, но там какая-то дальняя родня объявилась, и плакали наши планы. А так бы двенадцать соток было, хоть какой-то простор, есть где променады сделать.

– Я полежу наверху. Отдохну, подремлю.

– Вопросов нет. Точнее есть один-единственный – ты без меня часик побудешь?

– Побуду.

– И без обид?

– И без обид.

Но нашим планам насчет отоваривания продуктами сбыться было не суждено. За окном раздалось веселое биби-канье, и Эва испуганно посмотрела на меня.

– Кто это?

– Без понятия. Сейчас выйду и узнаю.

– Постой! – Эва вцепилась в меня. – А если это незнакомые люди?

– Ну, незнакомых я сразу отбрею, если они только случайно не заблудились в нашем товариществе и не ищут конкретный дом.

Я услышала знакомый крик.

– Санька! – и вышла на крыльцо. Вся наша компания была в сборе. Денис, Васек и Милочка. Все-таки они решили достать меня, то есть умыкнуть на рыбалку, хотя вчера я дала внятный и четкий отказ.

– Санька! – надрывался Денис. – Радость моя, ты чего так долго не открываешь?

– Занята, – отрезала я. – Постоишь там за калиткой?

– Да разве это препятствие!

Денис зацепился за штакетник, и поставив ногу, перемах-

нул через забор. – У матросов нет вопросов.

Васек последовал его примеру. Милочка топталась у калитки. Тоненькая, худенькая со светло-рыжими кудряшками она была похожа на девочку-подростка, которую хотелось взять под свое крылышко и никуда не отпускать.

– Александра-а-а, – канючила она. – Открой. Я в новом платье.

– Учись, на старших глядя! Как наши ребята ловко через забор сигают.

– Как-нибудь в другой раз.

– Да я шучу.

Я взяла ключ, висевший в коридоре на гвоздике, и снова вышла на улицу. Денис с Васьком топтались у крыльца. День был пасмурным, но во второй половине дня синоптики обещали солнце.

Открыв калитку, я сказала Милочке:

– Ко мне сестра приехала, так что...

– И как она? – скосила глаза Милочка. Она была в курсе приезда Эвы, о чем я вчера умолчала в разговоре с сестрой, которая упорно не хотела себя обнаруживать и выражала беспокойство по этому поводу.

– Нормально. С головой что-то не то. А так в полном порядке.

– Что значит – не то? – поинтересовалась Милочка, но я не стала развивать тему.

– А мы уже с бутылком! – балагурил Денис. – На рыба-

лочку собрались.

– Вообще-то я еще вчера предупредила, что влиться в ваш дружный коллектив никак не могу. У меня есть другие планы и заботы.

– Ухаживать за парижанкой? – подмигнул мне Денис. – И что ты теперь будешь сидеть затворницей в четырех стенах? Безвылазно, беспробудно? Санька! Да не заслуживает она того!

– Тише! – одернула я его. – Не ори так. Еще услышит...

– А мне плевать, – его глаза потемнели. – Она там развлекалась, бросив старых больных родителей...

Я закрыла ему рот рукой.

– Денис! – попросила я его. – Не надо. Правда, не надо.

Он сразу стал каким-то притихшим, взъерошенным.

Слегка куснув мои пальцы, Денис расплылся в улыбке.

– Умеешь ты уговаривать. Ей-богу! Как скажешь, Санек, так и будет.

Я присмотрелась к нему.

– Опять?

Самым существенным недостатком Дениса была его неумеренная страсть к алкоголю, которую он никак не мог побороть, несмотря на все свои клятвы и заверения.

– Чуть-чуть! – и он виновато улыбнулся. – Самую малость. Правда!

Я вздохнула.

– Сколько раз ты зарекался?

– Виновен. Но обещаю исправиться. – Его губы улыбались, но взгляд был серьезным.

– Придется поверить и на этот раз.

– Придется, – подтвердил он. – У тебя нет другого выхода.

– Выход есть всегда!...

– Вы так и будете препираться, – вставила Милочка, переминаясь с ноги на ногу. Васек тем временем задумчиво созерцал окрестности. – Мы так на рыбалку опоздаем.

– А рыбалки и так не будет.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Васек, отрываясь от чахлой клумбы, на которой примостилось несколько турецких гвоздик.

– А то! – мрачно сказала я. У меня почему-то испортилось настроение. – Мы же не на рыбалку едем, а покутить. Разве не так?

Все, молча, потупились, как будто я сказала что-то неприличное.

– Какая разница, – скороговоркой сказала Милочка. – Зачем портить приятный отдых?

– Я не собираюсь его портить. Я только поднимусь к своей сестре и спрошу у нее...

Денис качнул головой.

– И чего ты тогда стоишь?

И чего я стою? Как сказать Эве, которая не хотела, чтобы я уезжала, о том, что меня зовут на рыбалку? Не вызовет ли мое сообщение у нее приступ истерики и слез? Как сказать

ей об этом поаккуратней?

Принесло же их не вовремя!

Я поднялась наверх. Эва сидела на кровати, вцепившись руками в деревянную спинку и смотря прямо перед собой расширенными глазами.

– Эва! – тихонько позвала я ее.

Она перевела на меня взгляд. И тут я заметила, что ее трясет. Мелкой дрожью.

– Ты чего?

– М-не х-холодно.

– Холодно? Давай я включу рефлектор. Только осторожней с ним. Он у нас старенький и поэтому включается и отключается по собственному желанию.

– Н-не надо.

Не слушая ее возражений, я притащила рефлектор и воткнула вилку в розетку.

– Так лучше. Эва! – Я села рядом на кровать и взяла ее за руку. – Мои друзья зовут меня на рыбалку. Но я не могу оставить тебя одну.

– Поезжай!

– Но как ты?...

– Поезжай. Я спокойно побуду одна. Ничего страшного. Не можешь же ты сидеть около меня как пришпиленная.

– Не могу. Но...

Она перебила меня.

– Этот высокий русоволосый молодой человек – твой бой-

френд?

– Да. Это Денис. Я тебе уже о нем говорила.

– Понятно.

Я поднялась с кровати.

– Я скоро вернусь. Мы побудем недолго. Едем типа на рыбалку, а на самом деле потусить. Я давно им обещала. Я же не знала...

– Что свалюсь тебе как снег на голову! Давай закончим этот разговор. Все нормально. Иди. Я что-то устала и хочу полежать.

– Да-да конечно. Ты на меня не обижаешься?

– Ни чуточки. – Она на секунду закрыла глаза, а потом открыла их. – Да иди же, пока я не передумала, а то потом жалеть станешь, что не смоталась вовремя.

– Пока, – я подошла и чмокнула ее в щеку. – Не скучай и будь примерной девочкой.

Эва уже пришла в себя и скорчила смешную гримаску.

– Пока-пока!

Я спустилась вниз.

– Ну? – разом выдохнули все.

– Порядок! – взмахнула я рукой. – Дайте только хотя бы пять минут собраться.

Рыбацкая коса, куда мы направились, была культовой достопримечательностью нашего города. Это было излюбленное место не только заядлых рыбаков, но и влюбленных парочек. Дно около Рыбацкой косы было мелким, вода хоро-

шо прогревалась и в весеннее-летний период многие стремились сюда, желая расслабиться и провести время в свое удовольствие. Коса представляла собой довольно широкую полосу, врезающуюся в реку и покрытую буйной растительностью. Деревья, кусты, травы на этом месте создавали почти непроходимые заросли, и укромно-уютные местечки для желающих уединиться были нарасхват. Территория на Рыбацкой косе была поделена по-честному и по-справедливому. Верхняя часть была отдана рыбакам, нижняя – парочкам. Таким образом, для двух категорий населения исключалась возможность столкнуться друг с другом в лоб, что могло бы привести к огорчительным последствиям, как для одних, так и для других.

Тучи понемногу рассеивались, Денис сидел за рулем Милочкиной машины – так как она захотела сесть на заднем сиденье вместе с Васьком. Сейчас Милочка сидела и тихонько повизгивала: то ли от поцелуев Васька, то ли от лихачества водителя.

Мы доехали за двадцать минут и с облегчением вывалились из машины.

– Ура! Мы на природе! – воскликнула Милочка, поднимая вверх руки. – Сейчас привал устроим. Перекусим маленько.

– Я ничего не взяла.

– Зато мы взяли за всех, – со смехом ответила Милочка, выгружая сумки из багажника. – Мы люди основательные и продумали все хорошенько. Правда, Вась?!

– А то! – раздалось в ответ.

Милочка давным-давно стойко и безуспешно обхаживала Васька. Васек был беспечным молодым человеком, не желавшим в ближайшее время связывать себя узами брака, что он, собственно говоря, и не скрывал от окружающих. Милочка же, напротив, только и мечтала о тихом домашнем очаге.

Милочка и Вася были моими приятелями еще со школьных лет. Мы то теряли друг друга из виду, то снова возобновляли знакомство-дружбу. Правда, в нашем городе трудно было надолго и всерьез потерять друг друга – все были чьи-то знакомыми или родственниками.

Я неоднократно пыталась втолковать Милочке, что Вася – хороший парень, но он будет морочить ей голову, пока ему самому не надоест бурная холостяцкая жизнь. А судя по всему – это случится нескоро. Вася был неисправимый дон-жуан и редко оставлял без внимания любую мало-мальски смазливую мордашку, попадавшуюся ему на пути, что доставляло Милочке немало огорчений и слез.

– Помоги мне! – попросила Милочка. Вася и Денис спустились к реке с удочками в руках.

Я взяла сумки.

– Здесь бутерброды с колбасой, ветчиной, сыром, мясо для шашлыка в кастрюльке. Зелень: помидоры-огурцы, салат, редис, – перечисляла Милочка тоном заправской торговки, расхваливавшей свой товар.

– Редис свой? – спросила я, взяв в руки парочку розо-

во-белых крепышей.

– Естественно! Маман там химичит. Каждую свободную минуту мчится на дачу и в земле копается. Как будто бы денег в семье не хватает.

Мать Милочки работала в местной администрации и по негласной традиции имела какой-то процент в бизнесе нашего города. У Милочки был хороший кирпичный коттедж-красавец построенный в поселке для вип-людей с красноречивым названием «Эльдорадо». Но несмотря на приличный достаток Людмила Федоровна с упоением предавалась сельхозработам и все взращивала собственными руками. На участке у нее красовалась чудо-теплица, сооруженная по последнему слову техники, в которой зрели красавцы-помидоры, перцы и даже баклажаны.

– Молодец твоя маман! Нашла себе отдушину.

– Приходится, – скривила губы Милочка. – Отец-то никогда не годный.

По русской привычке отец Милочки предавался тихому запою. Его неоднократно пробовали лечить, но безуспешно, и в семье на него давно махнули рукой. Он жил в коттедже круглый год, никому не мозоля глаза, и такое положение дел всех устраивало.

– Как бы Дениска не пошел по его дорожке! – тихо сказала я, придвигаясь к Миле.

– А куда денешься! – вздохнула она. – В наших небольших городах мужикам просто делать нечего. Работы никакой, а

если и есть, то приходится горбатиться за сущие копейки. Вон Денис вообще толком устроиться на нормальную работу не может. В последний раз его с треском поперли из охраны. И с тех пор он – птица свободного полета.

– Как и я.

– Вот-вот. А чего он мается-то? Крепкий парень, в расцвете сил, а перебивается случайными заработками типа отвезти-привезти кого на своей тачке. Разве это дело?

Согласившись с подругой, которая к тому времени выгрузила на клеенку все продукты, я примостилась на складном стульчике, также предусмотрительно взятом Милочкой из дома, и принялась резать салат прямо в миску, которую поставила на колени.

В прорехах туч показалось солнце. Золотистые блики заискрились на траве и в густой зелени кустов.

– Распогодилось понемногу, – качнула головой Милочка. Она раскладывала на клеенке тарелки, протирая их салфеткой.

– Это радует. Вчера, например, почти весь день лил дождь. Хорошего, согласись, здесь мало.

– Я, как на грех, зонт не взяла и шлепала по дождю. И на работу и с работы. Промокла насквозь. Хорошо у одной девчонки на работе была блузка запасная. А то бы сидела в своей конторе, как из ведра облитая.

Сначала Милочка работала по протекции Людмилы Федоровны в паспортном столе. А недавно перешла работать,

опять-таки с согласия и мохнатой руки маман, во вновь образовавшуюся фирму «Вектор-консалтинг», которая ведала вопросами недвижимости и строительства в нашем регионе.

– Чего там наши мужики делают? – Милочка приложила ладонь козырьком ко лбу и прищурилась. – Не видишь?

– Удочки закидывают.

– А...

– Не волнуйся, как позовем к столу, так мигом о рыбалке своей забудут. Поесть они любят, тем более, когда все так аппетитно выглядит.

– Саш! – позвала меня Милочка.

– Что?

– Как ты думаешь: Васек меня любит?

– Наверное.

– А мне кажется – нет. Любил бы – давно женился.

– У мужиков все не так просто. Им и погулять хочется и постоянную женщину рядом иметь. Два взаимоисключающие желания. Так что смотри сама...

– Я все понимаю, но так хочется, чтобы все как у людей было. – Милочка мечтательно закрыла глаза. – Свадьба, белое платье...

От того места, где расположились наши мужики, раздался приглушенный крик. Я вскочила на ноги. Миска с салатом упала на клеенку.

Милочка мигом открыла глаза.

– Что это? – шепотом спросила она.

– Не знаю.

Мы наперегонки бросились к реке.

К нам шел Васек, растопырив руки, как будто бы он намеревался нас обеих заключить в свои крепкие объятия.

– Девчонки! Назад. Газуйте! Там труп в реке. Надо в милицию звонить... Пусть приезжают и разбираются с ним.

– Труп? – переспросила Милочка. – А откуда?

– От верблюда, – мрачно сострил Васек. – У кого есть мобила? У меня зарядка сдохла.

– У меня есть, – сказала я.

– Давай тогда звони. Ставь нашу доблестную милицию в известность о ЧП на ее территории. А то она, наверное, совсем скисла без работы. Вот ей и дельце свежее само в руки плывет. Причем в буквальном смысле.

– Вась! Помолчи, – оборвала я его. – А где Денис?

– Труп караулит.

– Я серьезно.

– Я тоже.

Очевидно, обнаружение трупа на разных людей влияет по-разному. Васек впал в неуместное, как бодрая мелодия на похоронах, балагурство, Милочка – напротив, в ступор. Как отреагировал Денис, я пока не знала.

подавив вздох, я достала из кармана джинсов сотовый и набрала телефон милиции.

– Ну что? – спросил Васек, когда я закончила разговаривать. – Выезжают на белых лошадях?

– И на лошадях и в каретах. Вась! Кончай хохмачить. Лучше помоги Милочке собрать еду в пакеты и погрузить обратно в багажник. Видишь она не в себе.

И тут Милочка залилась слезами.

– А как хорошо все начиналось. Собрались встретиться, посидеть. А тут этот трп-у-уп протии-и-ивный, – уже подывала она. – И откуда он взялся на нашу голову.

– Утешай! – кратко бросила я Ваську и пошла вниз. К Денису.

Бывший спецназовец сидел на берегу, сторбившись, и курил сигарету. Услышав мои шаги, он даже не обернулся.

– Денис! – тихонько позвала я его. – Ты как?

– Нормалек.

Я присела рядом. Какое-то время мы сидели рядом в молчании. Наконец я решилась.

– Где труп-то?

– Там! – кивнул Денис в сторону боковых кустов. – Его течением сюда прибило, как я понимаю И убили, судя по всему, недавно.

– Мужчина? Женщина?

– Мужик. Не старый, – прибавил Денис, впечатывая окурок в землю. – Одет прилично. Видно, что не бомж.

– А... как он убит?

Денис пожал плечами.

– Не знаю. Следов ножевых ранений не видно. Но я его не трогал и поэтому стопроцентно утверждать ничего не могу.

Да и не специалист я в этой области. Пусть другие устанавливают: что и как. – Денис кашлянул. – Я часто видел смерть, но привыкнуть к ней никак не могу. До сих пор. Когда вижу труп – матюгаться хочется. Такая злость охватывает, и бес-силые. Так бы и удушил всех собственными руками.

Я сжала рукой его плечо.

– Не надо, Данька! Этим ты никому не поможешь.

Он сплюнул на землю.

– Ясное дело, что не помогу. Только мне от этого не легче.

Ментам звонила?

– Звонила. Скоро будут.

– Я тебе кое-что сказать должен, Санек. Не могу я перед ментами себя обнаруживать, иначе в неприятности влипну.

Серьезные.

Я похолодела.

– И чего ты натворил? – спросила я хриплым голосом.

– Чего я натворил – это уже в прошлом. И слава Богу. Я как комиссовался, так влип в одну драку по пьяни и в милицию привод имел. Короче, поставили меня на заметку. Нельзя мне объявляться и обнаруживать себя. Понятно?

– Господи! – простонал я. – Час от часу не легче. Чего же ты раньше-то молчал.

– Ты считаешь, что этим можно хвастаться перед любимой девушкой?

– В общем, ты прав, – неохотно сказала я. – И долго ты так скрываться будешь? Как же ты работал?

– А меня без документов брали. Им так даже выгодно. Налогов никаких платить не надо. Нет человека и все тут. А мне... так и выбирать особо не приходилось. Сама все понимаешь.

Я задумалась. Ситуация складывалась незавидная. Милиция могла появиться с минуты на минуту, а Денису встретиться с ними никак нельзя. Это и ежу было ясно.

– Тогда – уходи! – решительно сказала я. – Ребят я предрежу. Не теряй зря времени.

– Да они еще не скоро появятся, – усмехнулся он. – Я сигарету успею еще одну выкурить.

– Лучше не искушай судьбу, уходи сейчас.

После недолгих препирательств Денис ушел краем берега, нырнув в заросли кустов. Я пару раз видела его спину, а потом он растворился в чащобе.

Сзади себя я никакого шума не слышала, из чего можно было сделать вывод, что Вася хорошо утешает Милу и плакать она не может по причине своей занятости.

Я сцепила пальцы. Всего в двух метрах от меня был труп и я мучилась от любопытства. Мне хотелось на него посмотреть, но вместе с тем я понимала, что это зрелище может оказаться серьезным испытанием для моих нервов и лучше мои нервы все-таки побереечь, а не ставить над собой эксперименты.

Наконец, любопытство пересилило, я раздвинула кусты и... меня чуть не вырвало. Опухший покойник со спутанны-

ми волосами шевелился в воде. От неожиданности я чуть не вскрикнула, но присмотревшись, поняла, что на труп накатывались легкие волны, и от этого создавалось впечатление, что он шевелится. В глаза бросилась распухшая рука и скрюченный мизинец.

Я отступила обратно, выковыряла окурок Дениса из земли и закинула его подальше. Затем, развернувшись, почти бегом направилась к машине.

Милочка и Васек сидели на траве. Милочка тихо всхлипывала, а Васек обнимал ее за плечи.

– А где Денис? – спросил Василий, поднимая на меня глаза.

– Ушел. Здесь вот такое дело, ребята, – сказала я твердым тоном. – Дениса не надо в это дело впутывать. Он меня предупредил, что ему нужно держаться от ментов подальше. Он уже пересекался со служителями закона и у него нелады с ними.

– Убил кого? – охнула Мила.

– Что ты мелешь? – рассердилась я. – Просто была пьяная драка. Его собирались сделать крайним, но он вовремя утек от ментов. Фактически он в розыске и обнаруживать себя не может. Теперь картина ясна?

– В целом – да, – задумчиво сказал Васек. – То есть, как я понимаю – его с нами и не было.

– Мы влипли... простонала Милочка.

– Мила! – я повернулась к ней. – Только ты одна и можешь

разрулить эту ситуацию.

– В смысле?

– Твоя мать работает в местной администрации. Не последний человек в нашем городе. Пусть она вмешается в это дело. Все равно выхода у нас нет...

– Ты думаешь, меня мать за такие дела по головке погладит?

Людмила Федоровна славилась тяжелым нравом и была скоро на расправу.

– Ты все-таки ее дочь и на растерзание она тебя не отдаст.

– Надеюсь, – прошептала Милочка. Судя по всему, она была в состоянии близком к обмороку.

– Значит так, Дениса с нами не было. Мы приехали на пикник втроем.

– Групповушка, – осклабился Васек. – Две девушки и один мужик. А что? Я – не против.

– Я тебе сейчас по кумполу заеду, – пообещала я, – если ты не угомонишься. – Тут дело серьезное, а ты расшалился, как пионер в первый вечер в лагере.

– Труп, конечно, дело серьезное, кто бы спорил... – начал Васек, но моментально осекся под моим взглядом. – Все. Закончил.

Мы услышали шум подъезжающей машины и разом повернули головы в сторону источника звука.

К нам ехал милицейский «уазик».

– Приехали! – прошептала я.

Милочка всхлипнула, но Васек сжал ее руку, и она затихла.

Капитан милиции Гаврилин Никита Семеныч долго и нудно расспрашивал нас о покойнике, пока фотограф и судмедэксперт занимались своим делом, то есть непосредственным осмотром трупа. Похоже, он никак не мог взять в толк, что знакомы мы с ним не были и помочь следствию ничем не можем. Осознав, что свидетели из нас никудышные, капитан заметно опечалился и натужно крикнул.

– Значит, вы его не знаете?

– Нет, – выдохнули мы.

– А зачем вы сюда приехали?

– Рыбачить, – ответил Васек, проникшись ролью главного в нашей компании.

– В будний день? – усомнился милиционер.

– Я – безработная, – быстро вставила я.

– Взяла отгул, – прошептала Милочка.

– Нахожусь во временном неоплачиваемом отпуске, – отрапортовал Васек.

Гаврилин покачал головой.

– Придется вам проехать вместе со мной и оформить все показания на месте.

Я чуть не взвыла, вспомнив об оставленной на даче Эве, которая сидит и ждет меня. Сколько времени займет поход в отделение милиции – одному Богу известно. Рядом с капитаном переминался с ноги на ногу старлей – длинный белобрысый парень с оттопыренными ушами. Он старательно

записывал наши слова в блокнот, часто вскидывая глаза на начальника, словно ожидая услышать от него похвалу или на худой конец одобрителный рык. Но его шеф был поглощен беседой с нами и не обращал на своего старательного помощника никакого внимания. Я уже было хотела сказать о том, что меня на даче ждет приехавшая сестра-иностранка на девятом месяце беременности, но тут к капитану подошел судмедэксперт и тихо что-то сказал.

– Иностранец? – на лице Гаврилина отразилось явное отвращение. И я могла его понять. Только этих хлопот не хватало на его голову! Тут бы со своими трупами справиться!...

– Француз? – переспросил он.

И я закрыла рот.

Несколько минут спустя я уговорила Милочку позвонить матери. Та нажала на нужные рычаги и нас вскоре отпустили по домам, обязав явиться для дачи показаний по первому звонку.

За руль села Милочка, но она явно нервничала, и поэтому ей пришлось пересесть на переднее сиденье, а машину повел Василий.

Первые пять минут мы молчали, затем Милочка изрекла:

– От маман мне влетит. По первое число. Даже не знаю, что я буду ей говорить.

– А ничего! – бодро откликнулась я. – Скажешь: так и так, поехали на рыбалку...

– Упал... очнулся... гипс, – меланхолично вставил Ва-

сек. – Только вместо гипса – труп.

– Тебе все шуточки, – судя по тону Милочки, она была готова снова заплакать.

– Вась, прекрати свои дурацки шутки, – вмешалась я. – Видишь: человеку плохо. Ты вообще как труп обнаружили Петросяном заделался.

– Может, я таким способом стресс снимаю.

– И вешаешь его на других.

Воцарилось хрупкое молчание. Я набрала телефон Дениса, но «абонент был временно недоступен».

– Денис заблокировался, – сказала я, убирая мобильный в сумку.

– Тоже гусь, – вспыхнула Милочка. – Сам удрал, а нас оставил расхлебывать.

– Я же объяснила русским языком: он не мог сталкиваться с ментами. Неужели я непонятно объяснила.

Нашу ссору Васек пресек в зародыше.

– Ладно, хватит. Ща я закидываю домой Милку, потом тебя.

– Лучше наоборот, – сказала Мила.

– Вот что: высади меня на развилке, – предложила я. – Дальше я сама потопаю.

– Это же далеко, – спохватилась Милочка.

Я фыркнула.

– Двадцать минут пешком. Если быстро – все пятнадцать. А то и меньше.

– Полчаса как минимум пилить.

– Ничего! Пройду. Развеюсь.

На самом деле мне действительно хотелось пройтись. А если честно – остаться одной: без Милочки и Васька. Кроме того, я могла сделать небольшой крюк и заскочить в магазин неподалеку. И купить там молока для Эвы. Я хотела позвонить ей, но подумала, что она спит, и поэтому убрала сотовый обратно.

Продавщица, тетя Маня, сорокалетняя вдова, посезонно менявшая любовников – в настоящее время в ее избранниках ходил молодой молдаванин, худой как щепка, подозрительно посмотрела на меня, когда я спросила у нее о свежем молоке и кофе.

– Несвежего у нас не бывает, – с легким оттенком презрения ответила она. – А потом ты молока сроду не пила. Кофе тоже не жаловала. В основном чай покупала. Чего там стряслось-то?

По набору продуктов тетя Маня определяла все семейные и личные катаклизмы и привычки.

– Вон Палыч из вашего товарищества стал кофе «Нескафе» покупать, а до этого только сорокоградусную у меня стрелял – так я решила, что неспроста, и оказалась права – завел себе полюбовницу моложе себя на двадцать лет, – с удовлетворением сообщила она.

– Друга пригласила на чашку кофею, – нашлась я.

– Это – другое дело, – расплылась продавщица в улыбке. –

Возьми тогда лучше сливочки. Мужики они любят пожирнее и повкуснее. У меня сливки хорошие, свежие, двадцатипроцентные.

– Ладно, – со вздохом согласилась я. – Давай и сливки и молоко. Только свежее.

– Надолго приехал? – подмигнула мне Маня. – Понимаю, понимаю... На несколько дней запас берешь.

Спорить с ней мне не хотелось. Я купила сливки, молока и пару булочек – на парижские круассаны они не тянули, но, может, Эва обойдется и этим. Завтра я планировала сделать вылазку в хороший универмаг и закупить там продуктов побольше и поразнообразнее, предварительно выяснив вкусовые пристрастия сестренки.

Расстояние от магазина до дома я преодолела за пятнадцать минут. Калитка была почему-то открыта, и я взбежала на крыльцо.

– Эва! – негромкой позвала я ее. – Эва!

Я поставила пакет с продуктами на стол и взлетела по лестнице на второй этаж.

Эвы нигде не было.

Моя сестра исчезла.

Я опустилась прямо на кровать, обхватив голову руками. Может, Эва вышла погулять, пройтись по товариществу... Я же предлагала й совершить небольшой променад, но она не согласилась с моим предложением. Но это было тогда. Оставшись одна и помаявшись в четырех хлипких стенах,

она, возможно, переменяла свои планы. Вот только меня не поставила в известность, не подумала о том, что я приду, а ее – нет. И буду психовать по этому поводу.

На всякий случай я проверила сотовый. Нет, звонков не было.

Через пять минут я окончательно уверовала в собственную версию и собиралась дать Эве нагоняй за самовольную отлучку. Она ушла, а я здесь нервничаю, сижу как на иголках, распяляла я сама себя. И чем сильнее распялялась, тем больше успокаивалась. Как будто бы я говорила эти слова исключительно для собственного спокойствия; твердила их вроде заповедной мантры, обещающей полное психическое и физическое равновесие.

Для того, чтобы скоротать время до Эвиного прихода, я поставила чайник, намереваясь попить чай с мятой. Попутно я смотрела на часы с кукушкой, постоянно задирая голову, будто бы тем самым могла ускорить или замедлить ход времени.

Я успела выпить чай с мятой, когда зазвонил сотовый. Денис!

– Алло!

– Это я.

– Как твои дела? – спросили мы одновременно и рассмеялись.

– С ментами разобрались?

– Как же, разберешься. Нам еще раз придется тащиться

в милицию и давать там показания. Так просто они от нас не отцепятся. Следователю кажется, что мы были знакомы с убитым. Втемяшилось же ему это в голову и все. Кстати, убитый был иностранец. Француз.

На том конце воцарилось молчание.

– Ты говорила об этом Эве?

– Эве нет. А причем здесь она?

– Она же тоже француженка.

– И чего? Какая тут связь? Убитый, скорее всего, турист.

Наш город недавно был включен в туристический маршрут «шедевры российского зодчества». И иностранцы, купившие вояж по «Золотому кольцу России», частенько сюда заезжают. У нас церковь Успения Богородицы 17 века, Троицкий и Преображенский храмы...

– Значит, приехал турист, отбился от стаи и здесь его убили?

– Почему я знаю, – сказала я почти грубо. – Может, все так и было. Он снял проститутку и его пришил местный сутенер. Не расплатился дядя вовремя. И еще какие-нибудь разборки на этой почве. Иностранцы они такие. Как вырвутся из родных просторов – так подавай им местную экзотику. А потом – Эвы нет.

– Как – нет?

– Так нет. Я пришла, а она ушла гулять.

– Гулять?

– Ну да. Что в этом особенного? Решила пройтись, раз-

мять ноги. Беременным вредно сидеть на одном месте. Им пешие прогулки показаны для нормальной циркуляции крови.

– Она тебе оставила записку?

– Нет, – упавшим голосом сказала я. – Не оставила. А почему ты об этом спрашиваешь?

– Потому. Тебе не кажется странным и подозрительным ее внезапный приезд на родину. Если оставить в стороне рассуждения, что она воспылала любовью к родным березкам, что, как я понимаю, на нее мало похоже. Циничная девица, удравшая за бугор и ни разу не вспомнившая о папе с мамой. Не говоря уже о тебе.

– Она мне звонила.

– Раз в полгода, – хмыкнули на том конце. – Не смей меня!

– Я не смешу. Мне самой... многое непонятно.

– Проверь ее сумку. Багаж на месте или нет. Если на месте – то действительно... гуляет. Если нет, тогда... – и он замолчал.

Как же я не подумала о ее сумке – темно-зеленой, с логотипом незнакомого бренда, который темно-красными буквами красовался сбоку. Если бы я путешествовала, то ездила бы непременно с такой сумкой! Практичной и удобной.

– Одну минуту! – завопила я.

– Перезвони мне.

– Договорились.

На втором этаже сумки не было. Я хорошенько просмотрела все потайные места и закоулки, даже заглянула в чулан, где хранился всякий хлам, выкинуть который никак не доходили руки, а может быть я тем самым оправдывала собственную лень – но Эвин багаж нигде не обнаружился. Не было и ее маленькой дамской сумки – бледно-кофейного цвета. Ну это понятно – ушла гулять и взяла с собой сумочку. А вот отсутствие багажа... внушало самые серьезные подозрения. Значит, Эва исчезла, убежала, прихватив с собой свои вещи. Может быть, она обиделась на меня? Я была с ней недостаточно чуткой и деликатной, не тряслась над ней и не смотрела в рот.

Теперь я казнила себя за то, что не позвонила ей, как только мы приехали на Рыбацкую косу и не спросила, как она себя чувствует. Эва была бы рада моему знаку внимания...

Терзаемая угрызениями совести, я позвонила Денису.

– Ну что?

– Ты оказался прав. К сожалению. Эва исчезла вместе со своей сумкой.

– И что я говорил!

– Это я во всем виновата. Надо было вести себя с ней мягче.

– Прекрати!

– Куда она ушла? – размышляла я. – Может, она сидит где-то неподалеку и рыдает? Я пойду поищу ее. Все равно сидеть дома еще хуже.

– Подожди!...

Но я, не слушая Дениса, нажала на отбой и пошла искать Эву.

Товарищество наше было не очень большим: две улицы, которые шли параллельно. В центре имелся небольшой пруд, где когда-то водилась рыба; но постепенно ее распугали купальщики и рыба перевелась. По краям пруд зарос высоким камышом, в одном месте сбоку прилепили хлипкий мостик, с которого ребяшня в теплую погоду сигала в воду. Люди постарше купаться в пруду считали ниже собственного достоинства.

Я поспешила к пруду; мне почему-то казалось, что Эва там. Недалеко была скамейка, она могла сидеть на ней и отдыхать. Или злиться на меня.

Около пруда Эвы не было. Между тем непогода, которую обещали с утра, стала проявлять свои первые признаки. Небо внезапно заволокло косматыми тучами, разметавшими по небу свои угрожающие хвосты. Темнота сгущалась на глазах; стало внезапно душно – настоящая парилка, ни ветерка, ни дуновения. Я вытерла ладонью лоб: он был покрыт мелкими капельками пота, словно я только что пробежала стометровку.

И где сейчас Эва! Я чуть не взывала с досады: могла бы она умерить свой гонор и подумать обо мне?

Я решила пойти домой: вдруг сестрица в любой момент заявится туда, а меня – нет. И мы так и будем ходить друг

за другом по цепочке, как в известной старой песенке: «Я у кино, вы у аптеки...».

Я поспешила обратно, к себе, попутно смотря по сторонам: не промелькнет ли где Эва.

Я закрыла за собой плотнее калитку и тут первая тяжелая капля дождя упала мне на руку.

Просмотрев сотовый, я увидела, что мне три раза звонил Денис. Я перезвонила.

– Ты где? – услышала я сердитое.

– В Караганде. Ходила искала сестру.

– А мобильный взять не догадалась?

– Не догадалась, – честно призналась я. – Совсем голова кругом идет.

– Оно и видно, – снисходительно заметил Денис. – За тобой глаз да глаз нужен.

– Какой еще глаз? – насторожилась я. Раньше я от него таких речей не слышала.

– Обыкновенный, – услышала я в ответ. – Тебе нужен человек, который бы за тобой присматривал и уберегал.

Я поспешила переменить тему разговора. Один раз уже Денис заговорил об этом, но я обратила все в шутку. О замужестве или серьезных отношениях я еще даже и не думала. Может быть, я по глупой женской привычке считала, что у меня все впереди, и за мной еще примчится принц на белом коне. Или просто в отношениях с Денисом мне не хватало романтики? Или здесь дело было в другом? Но анализом за-

ниматься мне было неохота, да и некогда. Сейчас у меня были заботы поважнее – поиски пропавшей сестры...

– Эвы нигде нет, – выпалила я.

– Шляется где-то.

– Денис!

– Говорю, что думаю. Твоя сестра замешана в каком-то криминале. Так просто она бы не прискакала сюда. Да еще так внезапно! Попомни мое слово.

– Я обижусь всерьез, – предупредила я. – Без шанса на прощение.

Денис сразу стих.

– Санек! – и так жалобен был его голос, что я внезапно улыбнулась. Боевой офицер, под два метра ростом, а стоит мне рассердиться, как он внезапно сникает. Словно лев перед грозным укротителем. – Прости, – почти прошептал он.

– Ладно, прощаю, – снисходительно заметила я. – Только чтобы больше ни-ни. На Эву не нападать. Армейский приказ.

В ответ раздалось недовольное сопенье.

– И вообще, – сказала я, не уточняя, что это значит «вообще». – Кажется, вот-вот громыхнет. А я жутко боюсь грозы. С детства. Как услышу, так прячусь под одеяло...

– Я приеду.

– Ты сошел с ума. Уже дождь. Куда ты поедешь? Нашу дорогу развезет так, что мама не горюй. Она еще с прошлого дождя до конца не высохла. Лужи у нас, как озеро Байкал –

только вплавь через них.

– Доберусь.

– Денис!

Но он уже повесил трубку.

За окном было уже совсем темно; как будто бы ночь наступила раньше положенного срока. Дождь барабанил ровно, монотонно. Вдали протяжно громыхнуло, и я невольно вжала голову в плечи. Эва! Где она, черт побери, ходит! Одна, в грозу! Да она уже, наверное, вся промокла до нитки. А ее малышка. Манечка! Что она чувствует, там, в утробе матери? Сжалась вся и дрожит от страха? Ну и нерадивая мамаша Эва! Хоть бы ребенка риску не подвергала...

Я готова была разорвать Эву – только бы попалась она под руку! Вертихвостка! Какой была, такой и осталась... Бедная Манечка! Я шмыгнула носом.

Раскаты грома становились все протяжней и громче – как будто бы тренировка перед генеральной репетицией. Две березы у калитки от сильных порывов ветра раскачивались в разные стороны, и ветви струились, шевелились темно-серебристыми змеями, как волосы у Медузы Горгоны в детском мультике про древних греков.

Я поспешно захлопнула окно, упала на стул и заревела. Мне было жаль себя, беспутную Эву, которая шлялась черт знает где, Машку-малую, Манечку, которая вместо того, чтобы сладко посапывать в кулачок, сотрясается вместе с ударами грома, а может и мокнет вместе с мамашей.

Я переместилась в кресло, в котором утром еще сидела Эва, и накинула на колени плед.

Протяжный удар грома, казалось, гроыхнул совсем рядом. Я невольно пискнула «мамочка» и накрылась пледом с головой. В детстве мы с Эвой при первых раскатах грома забирались под одно одеяло и прижимались друг к другу, крепко зажмурив глаза.

Я подтянула колени к подбородку и скинула плед с головы. О том, чтобы встать и поставить чай, не могло быть и речи. Я боялась покинуть свою территорию, как будто гром сразу обрушится на меня, едва я спущу ноги на пол. Но пить очень хотелось, поэтому я вскочила, быстро поставила чайник на плиту, а потом юркнула обратно под плед в кресло.

Дождь усилился. Он хлестал по стеклу мощными сильными струями. Как будто бы кто-то стоял за окном и поливал его из шланга. Я сидела, не зажигая света, в темноте, слыша, как уютно посапывает старенький чайник с облупленными розами.

Порывы ветра склоняли ветки сирени к окну, и они время от времени постукивали по стеклу.

От этого звука было страшно. Казалось, кто-то остервенело ломится в дом и сердится, что его не пускают.

Чайник уже пыхтел, пуская в воздух едва различимые белесые облачка пара.

Я накинув плед на плечи, вскочила и выключила его. Мята была в банке в шкафчике в углу. Утренняя заварка в зава-

рочном чайнике стояла на столе. Я любила свежую заварку, но сейчас искать упаковку чая в кромешной темноте было невозможно – приходилось довольствоваться тем, что есть. То есть суровыми военно-полевыми условиями, в которых я оказалась.

Калитка с шумом хлопнула. Кто-то большой, тяжелый шел к дому, впечатывая шаги в землю. Я невольно сжалась.

– Санька-а-а! – услышала я, не успев как следует испугаться.

Это был Денис. Я откинула плед и рванула на крыльцо. Он стоял, промокший до нитки, и со счастливой улыбкой смотрел на меня.

– Приехал!

– Вижу! А машина где?

– Бросил у входа в товарищество. У вас такие хляби – не проедешь.

– Я тебе говорила – «озеро Байкал».

– А почему ваш председатель дорогу не сделает?

– У него есть более важные дела, – скороговоркой сказала я, втягивая Дениса внутрь. – Он деньги наши ворует. Ничем не занимается, только взносы повышает. Да еще грозит электричество вырубить, если их не заплатит вовремя. У него дочь учится в Москве и ему очень деньги нужны.

– Понятно. – Глаза Дениса сузились. – Может, мне с этим гадом по-своему разобраться?

Я рассмеялась.

– Лучше не вмешивайся. Он склочный и вредный. Бывший юрист. Сейчас без работы; одна жена вкалывает.

Денис стоял на веранде, вытянув руки вдоль тела. Около него мгновенно образовалась внушительная лужица.

– Мы так и будем в темноте стоять? – прохрипел он. – Зажги свет.

– Я боюсь, – призналась я. – Вдруг громыхнет и прямо в дом.

– Так и сидишь здесь без света? Я думал: ты спишь? Смотрю: окна темные...

– Нет. Так и сидела.

– Меня ждала?

Я хотела сказать, что совсем забыла о нем, терзаясь страхом за Эву и ее малышку, но глядя на него – большего, надушенного, соврала:

– Ждала.

– У меня фонарик есть в кармане. Я с собой его захватил, когда машину бросил.

Денис достал из кармана фонарик и включил его: ярко-желтые всполохи заметались по стенам.

– Слушай! – вплеснула я руками. – Тебе нужно срочно переодеться и выпить чай с малиной, иначе ты точно простудишься. А я буду виновата в этом. Сиди на табуретке – я мигом.

Я побежала на второй этаж, где в шкафу лежал старый отцовский свитер, который за время ношения сильно вытянул-

ся и мог подойти Денису, хотя по сравнению с моим отцом он был намного крупнее и выше.

– Вот, – вернулась я с отцовским свитером в руках. – Больше ничего нет. Если он не подойдет...

Денис стянул с себя футболку. На его спине был шрам, который начинался под лопаткой, а заканчивался у поясницы. О его происхождении Денис распространяться не хотел.

– Это все, девочка моя, дела муторные, боевые. И тебе вникать в них не стоит, – обычно говорил он в ответ на мои расспросы.

Странное дело, что с Денисом я всегда чувствовала себя девочкой, хотя он был старше меня всего на два года.

Он стал натягивать свитер, но тот оказался ему мал.

– Подожди, я поищу рубашку отца.

Рубашка Денису подошла.

– Теперь полный порядок, – с удовлетворением кивнула я – Экипировка полная. Садись. Буду чаем поить. С малиной.

Я поставила чайник на плиту и достала из холодильника банку варенья. Несмотря на все средства от простуды, начиная с новомодного эфералгана упса и заканчивая отечественным аспирином, я по-прежнему каждое лето варила малиновое варенье, как это делала моя мать. Она всегда говорила, что малина – лучшее средство от простуды.

– Сань! – Денис притянул меня к себе и уткнулся в грудь. – Санька!

– Чего! – мне было ужасно неудобно. В одной руке был

банка с вареньем, в другой – большая чашка, которую я специально купила для Дениса.

– Да поставь ты эту банку.

Он взял банку и поставил на стол. Потом – чашку.

Он посадил меня к себе на колени и поцеловал в шею. Его рука скользнула по плечу.

– Чего? – повторила я и тут же устыдилась своего дурацкого вопроса. Но к нежностям я не была расположена, хоть убей.

Он отстранился от меня и слегка усмехнулся.

– Не момент?

– Не момент. – Я соскочила с колен и ухватила двумя руками за банку. – Давай как-нибудь в другой раз.

Та минуту прошла, и мы оба поняли это.

Я с преувеличенным старанием стала накладывать варенье на блюдце и громко спрашивать: какой ему заварить чай – простой или с бергамотом. Он, сердито мотнув головой и сказал, что простой. Но этот вопрос я могла и не задавать. Я прекрасно знала, что Денис не признает чаи с добавками. Но мне надо было чем-то заполнить неловкую паузу, которая возникла после...

Я подумала, что своими хозяйственными хлопотами, танцами около плиты, соленьями-вареньями многие женщины компенсируют нехватку в семейной жизни секса и страсти. Своего рода сублимация. Только у творческих людей энергия уходит в искусство, а у простых – в кухню и дом...

А потом женщины удивляются, что муж находит на стороне любовницу и как-то разом забывает про домашний очаг, который ему возводили в течение многих лет. Очаг рушится как картонный хлипкий домик и раздаются горестные вопли и жалобы на стервеца-подлеца, связавшегося с другой...

– Эвы нет, – сказала я, наливая себе чай с мятой. – Где она?

– Объявится. А не объявится, так и не надо.

– Интересно, – сказала я, подцепляя листик мяты ложкой, – а каким макарон этого француза занесло в наш город?

– Ты же говорила, что он – турист.

– Предполагала, – уточнила я, отправляя мяту в рот.

– Как корова, – сказала Денис, отбирая у меня половину листика.

– Обожаю мяту.

Скривив рот, он съел отобранный листик.

– Ты же не любишь мяту, – удивилась я.

– Полюблю, – мрачно пообещал Денис.

И тут я поняла: ему хочется как-то приобщиться ко мне, пусть даже с помощью этого дурацкого листочка, вроде мы едим одну пищу, сидим за одним столом...

Бесчувственная ты, Александра! – пожурила я себя. – Человек к тебе тянется, а ты...

Если говорить честно, то я не понимала, почему я не влюблена в Дениса – он симпатичный, заботливый, надежный. А между тем, секс с ним больше похож на скучную обя-

заловку, и я никак не могу относиться к Денису иначе, чем к брату. Похоже, что я страдаю элементарной фригидностью, решила я. В женских журналах много пишут на эту тему. Сейчас это не такое уж редкое явление.

– А ты помнишь, как мы познакомились? – хриплым голосом спросил Денис.

Я вскинула на него глаза.

– Помню.

Это было два года назад. В мае. Тогда еще только-только прошли весенние холода – и первые теплые деньки застали население города врасплох. Все разом бросили свои домашне-будничные дела и бросились на природу: жарить шашлыки, рыбачить, тусить и вообще расслабляться по полной.

Я не собиралась никуда уезжать – я навещала свою школьную учительницу, которая позвонила мне и попросила купить ей в аптеке лекарство и привезти домой. Ее дети уехали в другой город к отцу, а она внезапно слегла, и поэтому обратилась ко мне.

Визит к Марье Петровне затянулся – просто приехать и отдать лекарство не получилось. Она стала расспрашивать меня о моей жизни – я вертелась как на иголках, так как хвататься особо было нечем, и тогда я предприняла весьма рискованный шаг: спросила ее о детях. И здесь на меня обрушились мегатонны информации – как я выбралась из-под этих завалов, сама не знаю...

Когда я стала собираться домой, то было уже начало две-

надцатого. От предложения заночевать я категорически отказалась.

Дорога к моему дому проходила через небольшой сквер. Было уже совсем темно, и фонари горели только по бокам буйно разросшихся кустов. А посередине – черная пустота-дырка, идти через которую было особенно боязно и страшно. Но выхода не было и я почти бегом направилась через сквер, словно у меня за спиной внезапно прорезались крылья. Перед самым выходом из сквера, обозначенным неработающим фонтанчиком и двумя покосившимися скамейками, мне попалась пьяная компания, с которой я собиралась быстренько разминуться. Но у компании в отношении меня были совсем другие планы. Трое подвыпивших юнцов настойчиво пытались выяснить, как мое имя и «почему я ломаюсь, отказываясь с ними выпить». Я уже прикидывала маневры к отступлению, собираясь повернуться к ним спиной и дать стрекача, как вдруг услышала, что рядом прогудело спокойное:

– А вот к девушке приставать нехорошо. Тем более, без всякого на то ее согласия.

Я повернула голову. Справа от меня высился здоровый парень: его силуэт четко вырисовывался в свете фонарей, и я остановилась как вкопанная, не зная, как реагировать на обретенного спасителя – то ли кинуться к нему, то ли оставаться на месте.

Наконец я шагнула к нему, и тут юнцы загалдели высоки-

ми голосами, выкрикивая нам разные оскорбления.

На мое плечо легла крепкая рука.

– Отойди. В сторону.

Я послушно отступила, и тут новоявленный спаситель решительно шагнул к моим обидчикам. Это было последнее, что я помнила. Все дальнейшее происходило, как в классических фильмах-боевиках. Четкие удары со свистом рассекали воздух – истошные вопли юнцов свидетельствовали, что весь их запал был сплошным заскоком и бравадой. Они бежали, как персы от армии Александра Македонского – бежали так, что только пятки сверкали.

– Вот и все, – услышала я рядом спокойно-насмешливое. – Путь, барышня, свободен. Можете идти.

– Спасибо, – я повернулась к нему. Мой спаситель пристально уставился на меня, а потом выдавил:

– Я вас провожу. Вдруг еще кто-нибудь пристанет.

Позже Денис уверял, что влюбился в меня с первого взгляда. Я отшучивалась, но похоже, так оно и было...

... По крыше монотонно молотило, как будто бы кто-то отплясывал чечетку и не собирался бросать это занятие.

– Гроза будет всю ночь, – утвердительно сказал Денис.

– Точно! Похоже, ты прав и она никогда не кончится. Просто какие-то хляби небесные разверзлись. Еще чая?

– Не хочу.

– Слушай! Я как-то совсем не подумала: может, ты хочешь есть?

– Не хочу.

– Хочешь, но боишься в этом признаться. Знаю тебя: все скромничаешь и жмешься.

Но когда я полезла в холодильник, то сразу вспомнила, что у меня ничего нет. Кроме остатков сыра, сливок и «свежайшего молока», купленного для Эвы. Ну и еще булочки. Хорошая еда для здорового двадцатисемилетнего мужика.

– У меня... это... ничего нет, – жалобно сказала я.

– А мне ничего и не надо. Пошли спать.

В этот момент громыхнуло как-то особенно сильно – протяжно, с завыванием.

– Жуть какая. Ты калитку хорошо закрыл?

– По-моему, да. Точно не помню. Я торопился к тебе и ни на что не обращал внимания.

– Если она не закрыта, то ее разнесет в щепки. Я выйду на крыльцо и посмотрю: если она не болтается, то все в порядке.

Я вышла на крыльцо. Дождь шлепался крупными каплями в траву; шлеп-шлеп; ослепительно сверкнула молния, на краткий миг озарив все своим бело-безжизненным светом. И тут я увидела, что у березы стоит скуластая женщина лет пятидесяти в черном и смотрит на мой дом, скрестив на груди руки – как застывшее изваяние.

Я сразу вспомнила Эву и ее рассказы о женщине, преследовавшей ее.

– Денис! – закричала я. – Денис! – Он прибежал на веранду. – Смотри! – Я вытянула вперед руку.

И тут напряжение, усталость, нервы, переживание за Эву подкосили меня, и я потеряла сознание.

Очнулась я от того, что прохладная рука легла мне на пылающий лоб. Все вокруг проплывало, как в тумане. То ли во сне, то ли наяву я стояла на веранде и хохотала, удар молнии расщеплял надвое березу, которая тянулась ко мне длинными ветвями. Я застонала и открыла глаза.

Денис отнял свою руку и внимательно посмотрел на меня.

– Как ты себя чувствуешь?

– А что? – я приподнялась на локте. – Что случилось?

– Ты потеряла сознание, – нахмурившись, сказал он, – Причем внезапно. На крыльце. Ни с того, ни с сего истошно закричала, я прибежал, а ты уже лежишь. Судя по всему, у тебя настоящий жар.

– Чепуха! – я попыталась принять полусидячее положение, но голова резко закружилась, и я упала обратно на подушку. – Который час?

– Половина двенадцатого утра.

– Это я лежу со вчерашней ночи без сознания?

– Нет. Я тебя подхватил на руки. Ты очнулась. Начала бредить: якобы ты видела какую-то женщину в черном у калитки. Она тебя преследует. И уже давно. Я пытался тебя успокоить, но через пару минут ты уже отрубилась и спала. Тогда я перенес тебя сюда, наверх. Я что-то сделал не так?

– Пока все так. Но Денис... насчет женщины – это не бред. Это – чистая правда. Она действительно преследует... но не

меня. А Эву. Она мне сама рассказывала об этом. Я не поверила ей, но сейчас мне об этом даже стыдно вспоминать. Получается, она права. А я как свинья даже не вникла в проблемы сестры, просто отмахнулась от них. И все.

– Какая она тебе сестра! – резко сказал Денис. – Пожила девочка в свое удовольствие, а теперь свалилась на твою голову: ах, меня преследуют, ах, я несчастненькая!

– Прекрати! – я недовольно засопела и уткнулась в подушку. Я лежала на той же самой кровати и под тем же самым одеялом, под которым вчера лежала Эва. Старым одеялом с пододеяльником в ромашках.

– Никто не звонил?

– Если ты беспокоишься о своей ненаглядной сестренке, то могу доложить, что она не звонила, – поддел меня Денис.

– Дань! Она беременна!

Как-то раз я назвала Дениса – Дэн, и он поморщился. «Не надо. Дэн – как кличка пуделя. Зови меня лучше Данькой. Так приятней».

– У нее есть муж! Где ее драгоценный французский хахаль, ради которого она бросила все и удрала за ним? Почему он не здесь?

– Я почем знаю. У них семейные проблемы. Он к тому же безработный.

– Вот пусть она и разбирается со своими проблемами. А ты лежи. А то я тебя в больницу упеку с такой температурой.

– Где-то был градусник, поищи. На кухне, в шкафу.

После недолгих поисков градусник нашелся. Температура у меня была тридцать семь и пять. Значит, к вечеру она подпрыгнет еще больше.

В голове стреляло и мысли путались. В том, что я не бредила и видела женщину у калитки, я была железно уверена. В отличие от Дениса. Но, возможно, я бы и сама не поверила, если бы мне кто-то сказал, что видел в грозу при свете молнии незнакомую женщину, которая стояла и зачем-то смотрела на мой дом.

Больше всего на свете мне сейчас хотелось увидеть Эву. Я бы не стала отмахиваться от нее, а поговорила бы по-нормальному. Может, вместе, мы бы до чего-то и додумались. Я бы успокоила ее и сказала, что вдвоем мы справимся с любыми проблемами и страхами.

В ее положении нервничать вредно. А она вообще ходит непонятно где. Да еще этот труп неизвестного француза. Как ни крути, а факт подозрительный. Наш город не побратим Парижа и не место для проведения фестиваля «Россия – Франция», и появление иностранцев здесь – довольно редкое явление.

– Я ненадолго отъеду, – сказал Денис. – Надо продукты закупить.

– У тебя есть деньги?

– Есть! А почему ты об этом спрашиваешь?

– Ты же безработный и я не могу сидеть на твоей шее.

– Тоже мне игра в благородство! – фыркнул Денис. – А

сама-то ты кто?

– У меня есть еще денежный запас. Когда меня увольняли, точнее, я сама увольнялась, мои работодатели уважили Трудовой кодекс и выплатили мне все, что причитается по такому случаю.

– А у меня есть рядовые подработки.

– Ладно! Иди! – махнула я рукой. – Только недолго. А то мне одной плохо.

– Правда? – расплылся в улыбке Денис. – Девочка моя! Не скучай! – он наклонился и вlepил мне звонкий поцелуй в лоб. Потом подоткнул одеяло со всех сторон и спросил:

– Так удобно?

– Ага! – я закрыла глаза. Мне хотелось поскорее остаться одной.

Денис ушел, а я встала и спустилась вниз, держась за стенку. Меня то и дело пошатывало, и я прислонялась к стене, борясь с искушением плюнуть на все, подняться обратно и лечь в постель.

Дойдя до конца лестницы, я перевела дух и тут едва не упала, успев вовремя уцепиться за перила.

Я поставила чайник на плиту и села на табуретку. Пока кипел чайник, я решила пойти к калитке и посмотреть на то место, где стояла женщина. Мне почему-то казалось, что я как в хороших детективных романах обязательно найду там «следы присутствия» чужого человека, вроде примятой травы или брошенного окурка. Или, на худой конец, клочка тка-

ни на ветках кустов...

Выйдя на крыльцо, я ахнула. Крепкая береза была разломана пополам, и обезглавленное дерево валялось за калиткой.

Трава была не просто влажной, а мокрой, и я рисковала промочить ноги, поэтому вернулась в дом и надела старые резиновые сапоги с небольшой дыркой сбоку: в этом месте отклеилась подошва.

Несколько метров до калитки стали для меня настоящей голгофой. Когда же я вышла за ограду, то, естественно, ничего не обнаружила: ни окурков, ни следов, ни клочков ткани.

Хотя я была уверена, что женщина была.

И стояла здесь, смотря на мой дом.

Вернувшись в дом, я выключила чайник и заварила чай с мятой. Затем набрала телефон Милочки.

– Алло! – откликнулась она.

– Ты где?

– Взяла отгул и дома отлеживаюсь. Я не могу идти на работу после таких событий. Мне нужно время, чтобы прийти в себя.

– Понятно. А я заболела.

– Температуришь?

– Тридцать семь и пять. А вечером был настоящий жар.

– Денис с тобой?

– Уехал за продуктами.

– Это хорошо, что ты не одна. А вот Васек куда-то смотрелся, ничего не объяснив. Как всегда, – с обидой сказала Милочка.

– Объявится. Слушай, тебе из милиции не звонили?

– Нет, – насторожилась Милочка. – А что?

– Я по поводу... француза. Интересно, кто он?

– Интересно? – не поняла мой интерес Милочка. – С какой стати?

– Ну... просто...

– Нет. Мне совсем неинтересно, – твердым голосом сказала Милочка. – И лучше бы его вообще не было.

– Я согласна с тобой. Но...

– Саш! Может, позвонишь в другой раз. Я вообще-то сплю.

– Ладно, приятных снов.

Я набрал телефон Эвы. «Абонент временно недоступен».

Выпив чай, я окинула взглядом кухню. Обычно я перед приходом Дениса прибиралась. Но сейчас все было в порядке, ведь накануне приезда Эвы я все тщательно надраила и вымыла, так как мне не хотелось выглядеть перед сестрой грязнулей и неряхой.

Если Денис придет и увидит, что я тут распиваю чай, то мне не поздоровится. Он даст мне нагоняй и погонит обратно в постель.

Я решила ликвидировать следы своего пребывания на кухне и выкинуть заварку в ведро. Чем скорее, тем лучше.

Денис может вернуться в любую минуту и тогда меня размажут по стенке за самовольное расхаживание по дому.

Заварка была свежей, и ее, как улику моего пребывания на кухне, следовало упечь подальше – на дно ведра. Я взяла в руки ведро, но моя рука дрогнула, и оно покатилося по полу, демонстрируя свое содержимое. Проклиная себя за неуклюжесть, я, сев на пол – колени подкашивались как у нервической барышни из тургеневских романов – стала торопливо сгребать обеими руками мусор.

Мое внимание привлек кусочек картонки. Я поднесла его к глазам. Это был обрывок билета на самолет. Эвиного билета. На клочке была дата – двадцать пятое мая.

Двадцать пятое. Мне она сказала, что прилетела двадцать шестого. Значит, она пробыла где-то день. И ничего об этом не сказала. Специально? Или у нее были веские причины скрывать это. Француз убит примерно день назад. Стоп-стоп...

Я провела рукой по лбу. Похоже, ситуация складывается совсем скверно.

Эва исчезла и не откликается на мои звонки.

В нашем городе убит иностранец. Француз.

Если бы это был американец или англичанин, поводов для беспокойства у меня было бы меньше.

И наконец, скуластная женщина в черном, стоявшая у моего дома. Кого она высматривала? Сомнений здесь быть не могло. Конечно, Эву! Каким-то образом она узнала о том,

что она здесь.

Я обхватила руками голову. Во что же вляпалась моя сестренка? И неужели Денис прав, утверждая, что она связана с неким криминалом, и приехала, чтобы замести следы?

А если нет? То как объяснить все эти факты?

Я быстренько запихнула мусор в ведро и только подошла к лестнице, как приехал Денис. Он, конечно, отругал меня как следует. Я оправдывалась, как могла и напирала на то, что мне ужасно захотелось пить – ну просто все во рту пересохло – и для большей убедительности открывала рот, как актриса театра мимики и жеста. Кажется, Денис мне поверил и даже немного смягчился. Под его чутким руководством я отправилась обратно в постель, и он пообещал больше никуда не уезжать, раз я такая пряткая и бестолковая – при температуре все норовлю выпрыгнуть из постели и расхаживать по дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.